

Александр Верещагин

Дома и на войне

Александр Верещагин

Дома и на войне

«Public Domain»

1886

Верещагин А. В.

Дома и на войне / А. В. Верещагин — «Public Domain»,
1886

«В октябре месяце 1879 года я занимал посты со своей 3-й сотней владикавказского казачьего полка (которую командовал в Турецкую кампанию), по Военно-грузинской дороге, от Владикавказа до станции Коби. Штаб сотни находился в маленькой старинной крепости Джерах, верстах в десяти от знаменитого Дарьяльского ущелья. От нечего делать, случалось, по целым часам глядел я из окон крепости на причудливые вершины гор, как они то заволакивались облаками, то опять появлялись на свет Божий. Маленькими белыми пятнышками виднелись прилепившиеся кой-где по склонам гор бедные сакли туземцев. По шоссе, мимо крепости, ежедневно проезжало множество фургонов с товарами и различных экипажей с пассажирами...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	12
Глава IV	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Верещагин

Дома и на войне

Глава I

От Петербурга до Чикишляра

В октябре месяце 1879 года я занимал посты со своей 3-й сотней владикавказского казачьего полка (которою командовал в Турецкую кампанию), по Военно-грузинской дороге, от Владикавказа до станции Коби. Штаб сотни находился в маленькой старинной крепости Джерах, верстах в десяти от знаменитого Дарьяльского ущелья. От нечего делать, случалось, по целым часам глядел я из окон крепости на причудливые вершины гор, как они то заволакивались облаками, то опять появлялись на свет Божий. Маленькими белыми пятнышками виднелись прилепившиеся кой-где по склонам гор бедные сакли туземцев. По шоссе, мимо крепости, ежедневно проезжало множество фургонов с товарами и различных экипажей с пассажирами.

Как-то раз, вечером, я поручил старшему офицеру посты, а сам поехал во Владикавказ в клуб. Там узнаю печальную новость: наши войска в Закаспийском крае потерпели сильное поражение при штурме текинской крепости Геок-Тепе. Рассказывали это приехавшие оттуда офицеры, участники штурма, причем один из них, у которого правая рука подвязана была черной косынкой, сопровождал свои рассказы такими грустными подробностями, что даже стыдно становилось за тамошних военачальников. – Говорят, будет новая экспедиция, Скобелева прочат в начальники, – добавили офицеры в конце рассказа. – Узнав все это, я немедленно написал брату Василию¹ в Париж, чтобы он просил Скобелева взять меня с собой в поход.

Вскоре получаю ответ от брата, что к Новому году он будет в Петербурге и чтобы к тому времени и я приезжал туда. Я так и сделал. В это время еще шли толки о том, кто будет начальником экспедиции. Называли многих, но больше всего верили в назначение Скобелева. Брат Василий исполнил мою просьбу. Генерал Скобелев, как только был назначен начальником, зачислил меня к себе состоящим в его распоряжении.

Конечно, три года тому назад, я ехал в турецкий поход с совершенно другим чувством. Тогда я весь горел желанием поскорее увидеть Болгарию, болгарский народ, посмотреть, как он живет, самому убедиться в его бедствиях, сразиться с турками и отмстить им за болгар. На Дунае тогда сосредоточивалась наша армия, там был Государь, туда обращены были мысли и взоры всей России. Текинская же экспедиция далеко не могла представить того интереса. Да и сама цель ее была слишком мала, чтобы можно было с таким же рвением стремиться для ее выполнения. Покорить, наказать какой-то маленький неизвестный народишко, текинское племя! Перед отъездом меня осыпали вопросами: – Где такой Текинский оазис? Не знаете ли, не можете ли вы мне показать на карте его границы? Вы вот едете в текинскую экспедицию, объясните, пожалуйста, за что мы с ними деремся? И, по правде сказать, я не мог хорошенько ответить. Попасть я желал в этот поход только ради того, что начальником экспедиции был Скобелев. Его я хорошо узнал в прошлый поход и высоко уважал как боевого генерала, а поэтому-то мне и хотелось служить с ним. Я был уверен, что Скобелев не сделает тех ошибок, какие были сделаны в предшествовавшие экспедиции, поведет дело умно, энергично и быстро завоюет край. Кроме того, я хорошо знал, что все участники похода будут полу-

¹ В. В. Верещагин, известный русский художник.

чать большое жалованье, не говоря уже о служебных наградах. Я не сомневался, что получу за поход следующий чин и очередную награду. А оставаясь на Кавказе, я этого не получил бы и в десять лет. Не знаю почему, но только перед Турецкой кампанией я очень мало мечтал о наградах и, помню, когда получил первый орден св. Станислава 3-й степени, то мнил себя чуть не генералом. И несмотря на то, что очевидцы прошлых экспедиций рисовали нам текинский поход в самых мрачных красках, я все-таки охотно пустился в путь, заранее представляя себя скачущим на лихом туркменском коне по безграничным текинским пустыням.

30-го апреля 1880 года день был солнечный. У пристани города Петровска, на берегу Каспийского моря, столпилось много публики. Тут виден был и простой народ, и чиновники, и военный люд, и дамы с распушенными зонтиками, и дети. Все они пришли провожать генерала Скобелева, отправляющегося в Закаспийский край покорять текинцев. самого генерала не было тут, он ушел на пароход, который, слегка шипя, понемногу выпускал чересчур напившиеся пары. Солдаты, матросы, носильщики, казаки, осетины торопливо то сбегают, то поднимаются по сходням парохода. Офицеры, с озабоченными лицами, спешат из города с разною поклажею в руках и очень довольные, что вовремя успели, вприпрыжку спускаются с берега к пристани. Очень много виднеется здесь чиновников интендантских и контрольных. В их движениях заметна большая разница. Первые суется, бегают, хлопочут. Вторые, напротив, с высоты величия своих обязанностей точно и не замечают, что вокруг них творится, а тихонько прохаживаются вдоль пристани с дорожными сумочками через плечо. А инженеров-то здесь сколько! Они зачем? Железную дорогу будут строить в Текинский оазис. Строитель дороги, генерал Анненков, маленький, седенький, очень подвижный, также едет с нами. Он ушел вместе со Скобелевым и всем штабом осматривать каюты.

Каюты осмотрели. Временно командующий войсками в Закаспийском крае генерал Скобелев первый показывается из глубины парохода. Фуражка на нем белая, китель суровенький, на шее, как и всегда, висит Георгиевский крест. Лицо немного пополнело со времени Турецкого похода, рыжие бакенбарды стали гуще и длиннее. Вид у него бодрый и довольный. Выйдя на палубу, Михаил Дмитриевич подымается по крутой узенькой лесенке на широкий балкон; за ним следуют гурьбой его штабные, почти все в белых кителях. Тут и наш начальник штаба войск, полковник Гудима-Левкович, еще совсем молодой человек, высокого роста с русыми усиками и с худощавым бритым лицом. Рядом с ним подымается другой полковник Генерального штаба, Гродеков; он мал ростом, совершенно лысый, в очках. Но по манерам, походке и ухваткам заметно, что это человек бывалый. За ним идет, переваливаясь, ротмистр Эрдели, в адъютантской фуражке. Рядом с Эрдели идет капитан Баранок, единственный из окружающих офицеров, одетый не в китель, а в толстый суконный адъютантский мундир при аксельбантах. Баранок серьезен и сосредоточен. Далее идут остальные состоящие в распоряжении Скобелева: я, одетый в легонькую шерстяную серенькую черкеску; мой приятель поручик конно-гренадерского полка Ушаков, юноша лет 20-ти, очень добрый и симпатичный; генерального штаба капитан Мельницкий, поручик гвардейской артиллерии Кауфман и еще несколько других.

С парохода раздается свисток. Матросы засуетились. На носу со скрипом и звоном поднимают якорь; снасти отвязывают. Пароход начинает тихонько вздрагивать; колеса то в ту, то в другую сторону слегка похлопывают крыльями по воде. Скобелев снимает фуражку и раскланивается с публикой. Мы все тоже машем платками и фуражками, знакомым и незнакомым. С берега отвечают тем же. Пароход, поворотив немного, дает ход, и, быстро застучав колесами, плавно устремляется по голубой зеркальной поверхности моря.

И вот мы едем к стороне раскаленных песков, фаланг, скорпионов, к стороне, где жители, вольные как птицы, нападают на всякого чужого, грабят и убивают его совершенно безнаказанно.

Сначала мы останавливаемся в форте Ново-Александровске, затем в городе Красноводске и только 7-го мая под вечер подъезжаем к Чикишляру. Запасшись в Петербурге отличным биноклем, я еще издалека увидел берег. Но где же Чикишляр? Никак не могу его разглядеть. Мне он представлялся городом, а оказывается, это маленькое местечко с несколькими лачужками, построенными на низменном, песчаном, совершенно голом берегу.

Только небо одно приковывает здесь взор вновь прибывшего человека. Небо здесь чудное, темно-синее, безоблачное. Оно незаметно сливается в безграничной дали с раскаленными красноватыми песками.

Мне вспомнилось теперь, с каким немим восторгом, вступив первый раз на турецкий берег, я оглядывал там каждый кустик, каждое деревцо и не мог наглядеться. А здесь что? Раскаленная пустыня, да и только! А придется еще ехать по ней, да и как далеко, да еще и сражаться! Положим, конному все легче, но каково несчастной пехоте! Каково ей шагать по этим пескам, по страшной жаре, без воды, с ранцем за спиной и с тяжелым ружьем на плече. Но к чему человек не привыкает! Не прошло и недели, как я, подобно моим товарищам, бегал по песчаному, пыльному Чикишляру, исполняя различные поручения Скобелева: проверял склады, перевешивал интендантские грузы, не обращая никакого внимания на то, что так поразило меня при моем приезде сюда: на это синее безоблачное небо, сливавшееся в беспредельной дали с раскаленными песками, и на палящее, жгучее солнце.

Трудно представить себе что-либо безотраднее Чикишляра. Солнце выжгло все кругом.

– Так вот он какой, Закаспийский край, ахал-текинская земля! Ну, здесь не Турция, думал я, забравшись в отведенную мне комнатку, рядом с полковником Гродековым, и обтирая носовым платком совершенно мокрую от пота шею и грудь. Да как же здесь люди живут, в этой жаре! Ни воды, ни растения, ни даже тени нигде и никакой!

И не скрою, первое время вид Закаспийского края меня сильно смутил; в голове мелькнуло что-то вроде раскаяния, зачем я поехал в эту проклятую сторону.

В Чикишляре мы живем уже неделю. Скобелев каждый день, с утра и до вечера, в движении: осматривает войска, госпиталя, интендантские склады. Проверяет прежние запасы, оставшиеся еще от прошлогодней кампании, а также и вновь прибывшие из России. Вскоре к Чикишляру пригоняют верблюдов, закупленных по всему Мангышлакскому полуострову, вследствие распоряжения Скобелева, еще до начала похода.

Самая главная задача заключалась в том, чтобы как можно скорее и как возможно больше продвинуть в глубь оазиса различного продовольствия и артиллерийских запасов. Поэтому, прежде чем стягивать войска, генерал позаботился обеспечить их всем этим.

Для перевозки грузов были сформированы верблюжьи транспорты. На каждого верблюда навьючивали от 6 до 8 пудов клади; при 6 верблюдах находился один вожак туркмен. Несколько сот, а иногда и тысяч верблюдов составляли транспорт, который поручался одному офицеру. Транспорту придавался конвой из роты или двух пехоты и казаков, смотря по количеству верблюдов.

Глава II

В окрестностях Яглы-Олума

15-го мая я был назначен начальником летучего отряда в опорный пункт Яглы-Олум. В предписании моем было сказано: «Временно командующий войсками назначил ваше высокоблагородие начальником особого летучего отряда в составе: одной сотни Таманского казачьего полка, команды Полтавского казачьего полка, двух рот 83-го Самурского полка и команды джигитов. Отряд этот к ночи 17 мая сосредоточится в Яглы-Олуме. Цель этого отряда самым деятельным образом охранять верблюжьи транспорты, направляющиеся в укрепление Чат из Чикишляра. Надлежит обратить особое внимание во время расположения на месте и следования верблюжьих транспортов, на охранение всех переправ вверх от Яглы-Олума по реке: Атреку, Кизиль-Олум, Ходжа-Олум, Домцах-Олум, Байрам-Олум и прочие. Наблюдать разъездами пространство вниз по Атреку. В случае появления неприятеля летучий отряд должен самым решительным образом действовать против него, „причем, однако (прибавлено было рукою самого Скобелева), к атаке холодным оружием прибегать только в случае небольшого превосходства в силах со стороны неприятеля или при других особенно благоприятных обстоятельствах“. Действовать же против него преимущественно огнем в пешем строю. Временно командующий войсками приказал вменить всем чинам отряда держаться в стороне от верблюжьих транспортов, в высшей степени ласково обращаться с верблюдовожатыми, отнюдь не позволяя себе насмешек и побоев, под личной ответственностью начальника отряда».

В это время наши запасы стягивались в укрепление Дуз-Олум, находившееся от Чикишляра в 140 верстах. От Чикишляра до Яглы-Олума было около 60 верст.

Того же дня вечером сажусь на свою вороненькую лошадку, что купил себе во Владикавказе, навьючиваю вещи на двух верблюдов и в сопровождении сотни казаков еду по безводной, песчаной пустыне в Яглы-Олум. Местечко это находится на берегу узенькой, сажени 2 или 3 шириной, речки Атрека². Эта речка течет в высоких обрывистых берегах, поросших мелким кустарником саксаула, единственного растения, встречающегося по всему оазису. Укрепление Яглы-Олум стоит на небольшой площадке, обрытой валом, где помещалось десятка два войлочных палаток, или, как здесь называется, юламеек, в которых был расположен гарнизон. Тут же поблизости стояли юламейки: телеграфная, госпитальная и ротных командиров.

Я поместился довольно удобно в просторной юламейке. Транспорты проходили как раз мимо меня. Нагруженные верблюды бесконечными вереницами тащились, вытянув шеи и пережевывая жвачку. Они привязаны один к другому за коротенькие веревочки, один конец которых продернут в переносье, другой же привязан к хвосту предыдущего животного. Длинные ноги их неслышно ступали мягкими подошвами по песчаной дороге. Маленькие уродливые головы, с коротенькими оттопыренными ушами, качались на дугообразных шеях. Вожаки туркмены, в порыжелых халатах и в высоких мохнатых шапках, мерно шагали, держа поводки в руках; некоторые же, взобравшись на горбатые спины верблюдов и покачи-

² Надо прибавить, что до настоящей экспедиции река Атрек была мало исследована, и Скобелева уверили, что по Атреку могут ходить маленькие паровые катера, а это было весьма важно ввиду затруднительной перевозки грузов. В распоряжение начальника экспедиции было назначено несколько паровых катеров, команда матросов, при двух офицерах, и 4 картечницы. Но Атрек оказался настолько ничтожным и мелким, что катера пришлось тащить несколько десятков верст на руках, а потом обратно тащить тем же путем к Чикишляру; команду же с картечницами двинули вперед. Она горячо действовала при штурме Геок-Тепе.

ваясь как маятники, попевали себе заунывные бесконечные песенки, понятные только туземцам. Шаг за шагом проходили усталые верблюды, подымая за собой облака пыли.

– И песок-то здесь от жары сделался какой-то рыжий и верблюды рыжие, и халаты на жоках рыжие. Солнце все здесь подогнало под один цвет! – думал я, глядя на транспорты.

* * *

20-го мая получаю из Чикишляра от начальника штаба Гудимы-Левковича телеграмму. Он пишет: «Ввиду слухов о направлении неприятельской шайки из Текинского оазиса на Даш-Верды, вам следует усилить осторожность и бдительность». Я посылаю разьезды по несколько раз в день, сам езжу, но ничего не могу выследить. Через 2 или 3 дня получаю новую телеграмму от полковника Гродекова, в которой говорилось: «Не забывайте Даш-Верды». Затем вскоре получаю еще телеграмму от начальника штаба. Он писал: «Только что получено известие, что около колодцев Даш-Верды появилась шайка текинцев, под начальством самого Тыкма-Серьдаря³, численностью в 500 человек. Усильте разьезды и охраняйте транспорты». Я употребляю все силы, но неприятеля не могу заметить.

К северо-западу от Яглы-Олума, верстах в семидесяти, находятся колодцы Даш-Верды, и так как время стояло жаркое, поэтому если шайки где и были, то, конечно, около этих колодцев. Очень захотелось мне узнать и известить генерала, были ли там действительно шайки или нет. Кроме того, меня сильно заинтересовали рассказы одного из моих джигитов, состоявших при мне, о старинных развалинах города Даш-Верды, которые находились как раз у колодцев. Я решил туда съездить.

Накануне приказываю изготовиться взводу казаков при офицере, и с утра, еще до восхода солнца, запасшись баклагами с водой, направляемся к колодцам. Казаки мои несколько раз ездили с джигитами в эту сторону, поэтому знали путь. Кругом местность совершенно ровная. Куда ни взглянешь – везде дорога, везде песок. Кое-где, изредка, торчит побуревший от солнца кустик саксаула. Иногда, вследствие миража, такие кустики кажутся нам деревьями, а где таких кустов много, то тенистыми густыми садами. Легкие джераны тоже виднелись кое-где вдаль, но, по мере нашего приближения, они подымали мордочки, настораживали уши и, как птицы, летели по степи, мелькая своими белыми брюшками. Впоследствии я очень много видел джеранов; в особенности можно было хорошо подглядеть целые стада их, когда они утром и вечером направлялись к Ат-реку на водопой. Ростом и складом джеран похож на нашу козочку, шерсть у него коротенькая, спина и ножки рыженькие, брюшко же, как я уже сказал, беленькое. Случалось, джигиты, сопровождавшие меня в моих поездках, на прекрасных туркменских конях, завидя джеранов, пробовали гоняться за ними. Но где же! Хоть туркменский конь и быстро скачет, а джеран от него точно клубочек катится, точно его ветром относит, дальше и дальше, и наконец теряется из виду в безграничной безводной степи.

Около полудня мы немного отдохнули и затем поехали дальше тем же скорым шагом. Вода у нас уже вся вышла. Часов в пять вечера мы поднялись на небольшой холмик и отсюда увидали колодцы. Местность дальше шла столь замечательно ровная, что я нарочно слезаю с лошади, прикладываю голову к земле и старательно гляжу кругом, не увижу ли хотя бы малейшей шероховатости. Ничто не мешает глазу: на много верст вперед ни камешка, ни кустика, нигде никакой травинки. Точно громадное гумно или ток, мастерски вымазанный глиной и посыпанный мельчайшим белым песочком. Я никак не подозревал, что на земном шаре могли быть такие обширные ровные пространства. Никакой Царицын луг, никакой

³ Главный предводитель текинцев.

плац не могут сравняться по гладкости с здешним природным плацом. Почва же настоль твердая, что за нами и следов не оставалось.

Мы подъезжаем ближе к колодцам и в недоумении останавливаемся: у колодцев, видим, стоит несколько больших партий конных текинцев. Все они на конях, в черных мохнатых шапках, в халатах; у некоторых значки в руках. Я протираю хорошенько стекла бинокля, смотрю еще раз, – нет, не ошибся, в самом деле текинцы. Несколько военачальников скачут вдоль фронта, останавливаются, что-то машут значками и, по-видимому, готовятся напасть на нас.

Выезжая из Яглы-Олума, я никак не надеялся столкнуться с неприятелем, так как их следов казаки нигде в окрестностях не встречали. Поехал я просто потому, что соскучился сидеть на месте, да к тому же захотелось хвастнуть перед генералом, что, вот-де, съездил со взводом в Даш-Верды. Да и на развалины-то мне захотелось взглянуть. Теперь же, когда я увидел перед собою такую массу неприятеля, мне стало страшновато. Ну что, думаю, если текинцы на нас бросятся, – изрубят! Если даже и не изрубят, а захватят кого-нибудь в плен, то это, кажется, будет еще хуже. Что я тогда отвечу Скобелеву? Зачем, скажет, поехали вы так далеко? Я, уже и без того потный, при этих страшных мыслях потею еще более.

– Стой, командую казакам. Слезай, к бою готовься!

– Все равно, думаю, воды у нас нет, назад ехать 60 верст невозможно. Мы должны пробиться к колодцам во что бы ни стало.

Тихонько ведя лошадей в поводу, подвигаемся все ближе и ближе. Казаки уже вынули винтовки из чехлов и зарядили. Вдруг один из них кричит мне:

– Ваше высокоблагородие, чей же это казак на горе стоит?

– Где на горе? – спрашиваю его.

– А вон, что возле колодцев, – и тычет плетью.

Смотрю, действительно, на вершинке небольшой горы, саженой сто вправо от колодцев, стоит наш казак, с ружьем за плечами, и, очевидно, смотрит в нашу сторону. Что же это значит? – думаю. Смотрю еще раз, и оказывается, что все это был – мираж! Толпы текинцев стали рассеиваться как туман, и через несколько минут пропали. Возле колодцев, видим, стоит такое же крепленье, как и в Яглы-Олуме. В нем разместились рота солдат, только что прибывшая из Чикишляра. Военачальники, скакавшие кругом, были не кто другой, как джигиты, находившиеся при роте. Они в свою очередь приняли нас за текинцев и такую подняли тревогу, что командир роты, капитан Подвысоцкий, сказывал мне потом, что он чуть-чуть было не приказал открыть по нам огонь.

Напившись чаю у гостеприимного капитана Подвысоцкого, я предложил ему съездить со мной взглянуть на развалины. Запрягли ротную телегу тройкой, и в сопровождении четырех джигитов мы поехали. Развалины находились верстах в четырех к западу от колодцев. Они представляли четверугольник версты полторы длины, с версту ширины, окопанный широким безводным рвом. В старину по этому рву, вероятно, откуда-нибудь протекала вода. Внутренность четверугольника сплошь покрыта кирпичными развалинами. Кирпич, как я заметил, маленький, тоненький и очень-крепкий. Посреди развалин возвышается как бы триумфальная арка, украшенная разноцветною глазурью. Снизу она пообвалилась, но верх остался цел, и синяя превосходная глазурь, с золочеными узорами, еще до сих пор ярко блестит на солнце, точно сейчас наклепленная. Замечательно, как в старину красиво и прочно работали! Не у кого мне было хорошенько расспросить, когда и кем город Даш-Верды был построен, долго ли он существовал и что за причина его разрушения. Некоторые остатки зданий есть здесь очень большие. Все они поросли травой. Изобилие зелени доказывало, что где-то поблизости должна находиться вода.

Долго ходил я по развалинам, рассматривал кирпичики, изразцы. Мой спутник несколько раз окликал меня, предлагая ехать, но мне все не хотелось оставить это место,

когда-то полное жизни, а в настоящее время обреченное окончательно сгладиться вместе с окружающей местностью и не напоминать более никому о своем прошедшем.

Итак, в Даш-Верды неприятеля не оказалось. А между тем следы его нашлись в двух верстах от Яглы-Олума.

Во время одного разъезда спускаюсь я в широкий ров и нахожу совершенно свежий конский помет и, местами, рассыпанный ячмень. Потолковав с казаками, прихожу к тому убеждению, что еще сегодня ночью здесь ночевала партия текинцев. «Нехудо было бы прислать сюда на ночь секрет человек в двенадцать, и чтобы он, подпустив шайку поближе, хорошенько грянул в нее залпом». Рассуждая таким образом, я уже заранее представляю себе, с какой радостью пошлю донесение Скобелеву, что мой секрет положил на месте десять тел. Задумано – сделано. В тот же вечер отправляю секрет, но – безуспешно. Целую ночь солдаты прокараулили, не смыкая глаз, текинцы не показывались. Сообщаю об этом начальнику штаба, – но какой же вышел из этого результат? 25-го мая командующий войсками, со всем штабом, проезжал мимо меня в Дуз-Олум. Я, конечно, выезжаю к нему навстречу. Скобелев очень любезно здоровается и в то же время полусердитым тоном говорит мне: Видно, батенька, что вы в Азии не бывали и азиатов не знаете! Как же возможно высылать здесь секреты за несколько верст? Вот если бы с ним случилось какое-либо несчастье, так я бы вас первого под суд и отдал, в пример прочим. И дружески улыбнувшись, он останавливает коня около приготовленной палатки, слезает и идет отдохнуть.

Глава III В Бами

Через неделю я получаю предписание сдать яглы-олумский отряд старшему ротному командиру, а самому явиться в распоряжение временно командующего войсками, который находился в это время в местечке Хаджам-кала, верстах в 75-ти за Дуз-Олумом. С первым же попутным транспортом отправляюсь. Проезжая Дуз-Олум, вижу: через площадь едет навстречу офицер Генерального штаба с двумя казаками. Всматриваюсь, узнаю полковника Гудиму-Левковича. Я очень обрадовался ему и кричу:

– Здравствуйте, полковник, куда вы едете?

– Обрато в Россию, уже я больше не начальник штаба, – отвечает он, здороваясь со мной. – Смотрю, лицо полковника бледное, вид усталый, болезненный, глаза впали.

– Что же с вами, почему вы едете назад, кто же заступил на ваше место? – спрашиваю его.

– У вас теперь Гродеков начальником штаба, а я еду к себе в Петербург, я нездоров, – и, побеседовав со мной еще немного, Гудима-Левкович, грустный, прощается, и мы расстаемся.

* * *

10-го июня, рано утром, отряд выступил к местечку Бами на Коджинский перевал. Помню, было за полдень, когда мы переехали через горы. Погода страшно жаркая. Вдали, сквозь раскаленный дрожащий воздух, виднеются, точно в тумане, глиняные башенки и «калы»: так называются здесь загоны для скота, обнесенные высокими глиняными стенами.

Скобелев едет на серой красивой кобыле, очень скорым шагом, я еду немножечко позади его.

– Что, батенька, жарко? – говорит он мне. – А ведь вот представь я кого к награде, – сейчас скажут: за что? За какие дела? А разве эти жары не стоят сражения?

По приезде в Бами сюда стали стягиваться массы провианта и артиллерийских грузов; посреди лагеря образовались, точно горы, высокие бунты, накрытые брезентами. Бами был последним опорным пунктом, где Скобелев решил сосредоточить наибольшее количество запасов, и уже отсюда, собрав все силы, окончательно двинуться для завоевания оазиса Ахал-Текэ.

* * *

Местечко Бами было важно для Скобелева в том отношении, что здесь соединялись два пути. Один, шедший от Михайловского залива, по которому предполагалось строить железную дорогу и двигались верблужьи транспорты с продовольствием. Другой путь – Чикишлярский, по нему передвигались запасы, заготовленные на опорных пунктах еще за время прежних экспедиций. Чтобы с Чикишлярского пути попасть в Бами, нужно было перевалить через Копет-Дагские горы Бендесенским перевалом в четырех верстах от Бами.

В Бами мы расположились довольно удобно. Лагерь раскинулся по обе стороны ручья. Палатка командующего войсками была поставлена под тенью двух деревьев. Возле нее выкопали пруд, наполнили из ручья проточной водой и покрыли шалашом, так что генерал мог купаться во всякое время. Кроме этого пруда, среди лагеря были выкопаны еще два, один для офицеров, другой – для солдат.

20-го июня, рано утром, выхожу из палатки, чтобы идти купаться, смотрю, доктор Студитский, состоящий при Скобелеве, собирается куда-то ехать верхом. Поблизости стоит, выровнявшись, конвой из 12-ти казаков. Доктор был еще молодой человек, очень симпатичный. Я был с ним в хороших отношениях. Он еще накануне целый вечер сидел у меня, рассказывал про свое житье-бытье в Москве, показывал карточку жены: он только что перед кампанией женился.

— Куда вы, доктор? — спрашиваю я, подходя к нему.

— Да вот, в Бендесены еду, там надо освидетельствовать труп казака, которого вчера текинцы убили. И затем добавил шепотом, под секретом: — Генерал думает, уж не наши ли джигиты его изменнически убили. Так вот, надо откопать и постараться найти пулю. — Мы простились, доктор уехал.

На другой день утром опять иду купаться. Смотрю: генерал вышел из своей палатки с какой-то бумагой в руках, весь красный от слез. Завидя меня, он подзывает к себе и с грустью крикливо говорит:

— А вы знаете, что Студитского убили! А!.. Каковы подлецы текинцы! Целая шайка напала, — рассказывает он захлебывающимся от слез голосом. — Затем добавляет: — Я все-таки очень доволен, что при нем был конвой из 12-ти человек, это снимает с меня нравственную ответственность. Ну что делать, на войне несчастье со всяким может случиться. Казаки целый день отбивались, человек 20 текинцев убили. Ну разве это не герои, ну как же им не дать Георгиевских крестов? — И Скобелев начал раздражительно ходить возле палатки и слезливо сморкаться в раздушенный носовой платок.

В тот же день мне привелось видеть то место, где был убит Студитский. Случилось это так. Через час после разговора со Скобелевым меня опять требуют к нему. Отправляюсь. Генерал сидел в палатке за маленьким столиком и чертил что-то карандашом на листе бумаги.

— Вы, батенька, отправитесь сегодня же с ротой пехоты, одним орудием и с полусотней казаков в Бендесены для встречи транспорта, который идет из Хаджам-кала. Транспорт большой, с лишком две тысячи верблюдов. Я боюсь, чтобы на него не напали текинцы. Ведет его войсковой старшина Дьяков. Он, как старший, примет начальство над отрядом. Главное, обратите внимание в Бендесенах на командующие высоты. — И при этих словах генерал берет со стола разноцветные карандаши и быстро набрасывает мне позицию Бендесен. Объясняет до мельчайших подробностей, как держаться против неприятеля, в каком строю, как сопровождать транспорт, отнюдь не растягиваться и т. д. Затем генерал приказывает мне получить от Гродекова предписание и отправиться.

Бендесенский перевал — опасное место. Сотни скалистых горных вершин и гребней тянутся по сторонам дороги узким ущельем. Между ними выются бесчисленные, едва-едва заметные тропинки, известные одним текинцам. Скалы изредка покрыты тощими, чахлыми деревьями, наподобие нашего можжевельника. Впоследствии я слышал от нашей охотничьей команды, которая здесь разгуливала для обеспечения пути, что в глуши ущелий есть большие лесные рощи, но сам я их не видал.

Был вечер. Когда мы подошли к Бендесенской долине, она была с версту ширины и покрыта густой зеленой травой. За долиной тянулись отроги тех же самых Капет-Дагских гор.

При выходе из ущелья я заметил влево от дороги, на откосе горы, маленькую пещеру. К ней вилась узенькая тропинка. Подъехав ближе, я увидел в скале неглубокую впадину, прикрытую с наружной стороны глиняной стенкой, в которой были устроены бойницы для ружей. Чтобы войти в пещеру, нужно было слезть с лошади. Дно ее было покрыто свежим конским пометом и ячменем. Здесь, очевидно, еще недавно были хищники. Не из этого ли,

думаю, гнезда был убит казак? Бойницы из стенки глядели как раз на то место дороги, где его подстрелили.

Близ ущелья мы увидели транспорт, расположившийся на отдых. Войсковой старшина Дьяков с офицерами сидели в палатке и пили чай. Я представился им, выпил чашку чаю и затем спросил: не может ли кто указать мне место, где убит Студитский. Несколько офицеров предложили свои услуги, и мы пошли смотреть. Место стычки было как раз напротив того места, где остановился транспорт, саженой за сто.

– Вот, ваше благородие, здесь дохтура убили, вот и кровь их, тут они и упали, – объясняет мне низенький молоденький казак, с рыжими усиками, который, узнав, зачем мы шли, побежал вперед и, поднявшись саженой двадцать по крутой горе, остановился около двух больших камней.

– Ты почему знаешь, разве ты был с доктором? – спрашиваю я.

– Так точно, – отвечает казак. – Они, ваше высокоблагородие, ничего, – остались бы живы, потому здесь, за камнями, текинцам с нами ничего не поделать, – да браниться стали нехорошими словами, кричать: – Валяй их, таких-сяких! – и захотелось им из-за своего камня, где со мной сидели, вылезть и перебраться вот за этот большой, где наши остальные сидели. Только приподнялись, как их тут напавал и убило. Только они и успели крикнуть: – Братцы, жене моей кланяйтесь! – за бок схватились и упали. – У них, говорят, жёнка молодая осталась, – сумрачно добавил казак вполголоса, очевидно, недовольный Студитским, что тот бранился и тем, по его мнению, накликал на себя беду.

Вершины камней, где скрывались наши, были покрыты бороздами от неприятельских пуль. Ясно было, что текинцы, близехонько засевшие, метили как раз в головы казаков, высовывавшихся при стрельбе. Но как ни отчаянно защищались казаки, они все-таки неминуемо погибли бы от утомления и недостатка воды, если бы в это время не подоспела на выручку рота солдат, возвращавшаяся из Вами в Хаджам-кала. Текинцы как только завидели роту, моментально скрылись.

Еще рассказал мне казак, что один из его товарищей в ту минуту, как уже им пришлось очень плохо, осторожно спустился с горы, ведя лошадь в поводу, вскочил в седло и понесся долиной в Хаджам-кала – дать знать о случившемся. Пока текинцы опомнились от неожиданности, казак был уже далеко. Они бросились в погоню, долго гнались за ним, но тот благополучно ускакал. Не желал бы я очутиться в таком положении: споткнись конь, потеряй одно мгновение, и пропал, пощады не жди.

Я кругом обошел место этой стычки. На гребне горы, у самого ската, на твердой желтоватой почве, усеянной мелкими камешками, лежал убитый текинец; из простреленной головы вытекло много крови, и она запеклась на земле темным пятном. Белая мохнатая папаха валялась поблизости. Казак толкнул труп ногой, и он медленно, точно нехотя, покатился под гору, размахивая окостеневшими растопыренными руками, то показывая свое смуглое бородатое лицо, то снова отворачиваясь.

Возвратившись назад, я пошел взглянуть на транспорт. Он уже располагался на ночлег, верблюдов развьючивали, вожак-туркмены сидели около горящих костров и варили рис. Вскоре стемнело, и мы все улеглись отдохнуть.

В походе я не мог долго спать и просыпался вообще очень рано. Так и теперь. Не знаю, много ли прошло времени, проснулся, смотрю сквозь раскрывшиеся дверцы отсыревшей палатки: уже рассветает. Дьяков и другие офицеры еще спят. Я тихонько выхожу из палатки. Дьяков испуганно сдергивает со своей седой головы одеяло, которым было закрылся сглуха, быстро вскакивает и выходит за мной. Свежий утренний воздух так и пробивает наши легонькие бешметы.

– Пора подыматься, – говорит Дьяков вполголоса, чешет затылок, зевает, затем подпирает руками свою коренастую полную фигуру в боки, точно, не приняв такой позы, он и приказания не мог отдавать, кричит своим хохлацким выговором:

– Горнист, горнист!

Невдалеке, из-за ружейных козел, приподымается солдат, спиной к нам; накинута шинель съехала набок. Он поправляет ее, надевает кепи, берет свой медный «струмент» и отправляется к палатке начальника транспорта.

– Играй по возам, – кричит Дьяков.

Горнист останавливается, сплевывает в сторону, прилаживает инструмент ко рту, и через несколько секунд далеко раздается в общей тишине продолжительная заунывная первая нота этого сигнала:

Ти-и-и-и-и... ти-та-ти и т. д.

Какое-то особенное впечатление производил на меня всегда в походе этот первый протяжный звук. Все спит, все покоится безмятежным сном, а горнист старается, наигрывает. Вот он кончил; продрогнув от холода, поддегивает плечами шинель и быстро скрывается за ружьями. Дьяков и я снова ложимся на свои места, и дожидаемся, что вот лагерь сейчас начнет подыматься. Но проходит, пожалуй, добрых полчаса, а нигде не слышно никакого движения. Нам самим тоже не хочется вставать и сладко дремлетесь! Но, наконец, Дьяков опять выскакивает из палатки и снова кричит:

– Горнист, горнист!

– Чего изволите, ваше скородие?

– Что же ты, играл? – спрашивает начальник, хотя сам ясно слышал, как тот играл.

– Играл!

– Так худо играл, играй еще.

И начальник транспорта возвращается назад в палатку. Через минуту опять раздается:

Ти-и-и-и-и... ти-та-ти и т. д.

Через полчаса мы сидим с Дьяковым, поджав ноги по-турецки, и пьем чай; к нам собираются остальные офицеры и подсаживаются согреться чайком. Солнечные лучи уже падают на долину и скоро доберутся и до нас. Кругом раздается оглушительный рев верблюдов: их навьючивают. Животные лежат, подогнув под себя ноги и как бы желая показать, что им не нравится навьючивание, жалобно поворачивают уродливые головы то в ту, то в другую сторону и отчаянно режут.

– Горнист, играй наступление! – снова кричит Дьяков.

Он уже верхом на толстой и такой же, должно быть, старой лошади, как он и сам, объезжает транспорт в сопровождении нескольких казаков и горниста. Навьюченные верблюды поднялись на ноги и, скопившись в одно огромное стадо, кто куда мордой, смирно стоят и пережевывают жвачку. Некоторые же из них лежат без выюков, и как их вожаки ни тычут в бока, они не подымаются, а только жалобно режут. Эти верблюды ослабели и больше уж не служаки: они пролежат еще несколько дней, не сходя с места, и так и издохнут.

Вожак-туркмены, собравшись в кучки, сидят на корточках и жадно курят из деревянных кальянов самого примитивного устройства. Прижав отверстие кальяна к своему уса-тому рту, туркмен с таким азартом и с такой силой втягивает в себя дым, что только можно удивляться крепости его легких. Раздается сигнал наступления:

Та-тй та-та

Та-тй та-та

Та-тй та-тй...

Я посылаю часть моих казаков в авангард, других – в боковые разъезды, сам же остаюсь с Дьяковым, пока вытянется весь транспорт. Пехота еще не вся выстроилась и торопится стать в шеренгу. Орудие со звоном трогается, гремя колесами. Вожак в черных мохнатых шапках и коричневых халатах, один за другим, неслышно ступают своими крючковатыми сапогами, держа в руках поводки верблюдов. Много, много верблюдов! Где тут справиться одной роте, если неприятель вздумает напасть, рассуждаю я, глядя на эту бесконечную линию транспорта. Головные верблюды должны были подходить к самому перевалу, когда арьергардная полурота, всего человек тридцать, поплелась за транспортом.

Глава IV

6-го июля. В первый раз под Геок-Тепе

Ахал-текинский оазис тянется от северо-запада к юго-востоку узкой длинной полосой, слишком на двести верст, если считать от Кизил-Арвата до Асхабада. Ширина его изменяется от 5 до 10-ти верст. Аулы раскинуты на нем, смотря по тому, где есть вода. Где только с гор течет ручеек через оазис, тут, смотришь, где-нибудь непременно белеет маленькое поле пшеницы и темнеют кучки фруктовых деревьев; между деревьями возвышаются серые глиняные калы с башенками, соединяющимися между собой целой сетью различных глиняных стенок и валиков. Стенки вышиной где в аршин, где в два, а где и выше сажени. Сначала мне казалось странным, как мог здесь расти хлеб, при этой жаре и засухе; но затем я узнал, что жители окапывают свои маленькие поля валиком и, образовав из поля как бы сосуд, отводят в него из ручья воду. Вода долго стоит, напитывает почву и когда начинает высыхать, то в сырую землю бросают семена, и урожаи бывают удивительно хороши. И чем дальше мы подвигались на юг, тем сильнее я убеждался, что не даром эта узкая полоса земли называется оазисом.

1-го июля, на закате солнца, возле баминского лагеря выстроился наш небольшой отряд, состоящий из взвода сапер, 3-х рот пехоты, 4-х сотен казаков, 4-х девятифунтовых дальнобойных орудий, 4-х картечных, конно-горного взвода и ракетной команды, всего около 800 человек. Отряд направляется, под личным начальством Скобелева, к стороне Геок-Тепе, чтобы осмотреть местность и, если возможно, пожечь хлеб на корню, захватить скот и вообще как можно более нанести неприятелю вреда. Главное же – нагнать на него страх, так как неприятель, по выражению Скобелева, стал «дерзок» и, по слухам, сам собирался напасть на нас.

Мы выступили поздно вечером. Всю ночь шли скорым шагом, и на рассвете, не доходя верст десять до аула Арчмана, наш авангард, состоявший из казаков и джигитов, заметил неприятеля и погнался за ним. Генерал, в сереньком летнем пальто в рукава, окруженный офицерами и конвоем осетин, пускается за авангардом резвой иноходью на своем белом жеребце, Шейнове⁴. Моя лошадь хотя и шибко могла идти рысью, но теперь беспрестанно сбивается вскачь. Туча пыли подымается за нами. Уже мы с полчаса едем так быстро. Разговоров не слышно, только звон подков о сухую глинистую почву да фыркание вспотевших лошадей нарушают тишину. Чем дальше мы скачем, тем шибче и шибче. Ни ровики, ни глиняные валики не удерживают нас. Я, кое-как пробившись между офицерами, с магазинным ружьем за плечами, стараюсь не отстать от Скобелева. А генерал все подшпоривает да подшпоривает своего коня, который, весь темный от пота и пыли, приложил уши и так быстро переваливается с боку на бок и перебирает ногами, что едва можно заметить. Генерал откинул немного худощавое туловище и, слегка покачиваясь, точно в люльке, серьезный и, как всегда в такие минуты, поджал немного губы.

Впереди слышатся редкие ружейные выстрелы. И вот, сквозь рассеявшиеся облака пыли, мы видим разбросанные глиняные постройки и среди них маленький зеленый сад. Это аул Арчман. За ним, на горизонте, между клубами пыли, можно было различить нескольких всадников, спасавшихся в карьер. Аул пустой. Генерал сдерживает коня и шагом направляется к саду. Рассказавшийся, было, конвой и офицеры стягиваются понемногу. Я еду позади генерала. В эту минуту, размахивая локтями, подскакивает к нам джигит-туркмен, в грязном замасленном халате, торжественно подняв над головой какой-то мешок; развязывает его и с

⁴ На этой лошади Скобелев был еще в Турции во время Шейновского сражения, почему она и получила свое имя.

сияющим лицом вытаскивает отрубленную голову текинца. Генерал с отвращением отворачивается и кричит ехавшему рядом со мной поручику Ушакову: «Дайте джигиту 3 рубля!» Ушаков немедленно достает из сумки 3 серебряных рубля и отдает их туркмену. Тот как ни в чем не бывало берет деньги, прячет свои трофеи обратно в мешок и, совершенно счастливый, скачет прочь.

Отряд располагается в Арчмане на дневку. Настает полдень, а с ним и жара. На солнце, наверное, больше 50-ти градусов. Мы все обливаемся потом. Так как, для легкости, ни офицерам, ни солдатам не велено было брать палаток, поэтому всякий, конечно, стремился усесться в тени. Я же успел-таки захватить из Вами одно полотнище от своей палатки и теперь натянул его на палку, снял черкеску, подложил ее под голову и преспокойно улегся. Немного погодя беру бинокль и начинаю осматривать горы Капет-Даг, что тянутся вдоль оазиса в версте от нас. Вон на одной плоской вершинке сидят две человеческие фигуры и спокойно смотрят на нас.

– Ведь это текинцы! Но что же делать – не гнаться же за ними в горы?

Пока так рассматриваю, вдруг слышу над собой знакомый голос:

– Скажи, пожалуйста, какой хитрый, у него и тень есть! – Смотрю, Скобелев подбегает ко мне, без кителя, с маленькой подушечкой под мышкой, сгоняет меня с места и с удовольствием растягивается. Генерал сначала было улегся под деревом в тени, но через некоторое время тень ушла, и солнце стало допекать его. Я, очень довольный, иду к товарищам под дерево и располагаюсь рядом с ними.

Здесь мы пробыли целый день. Дали отдохнуть пехоте, артиллерии. Ночевали, а с утра тронулись дальше.

Уже не помню, какой аул проезжал я, вижу, несколько казаков показываются из-за глиняной стенки сада: они едят виноград. Я беру у одного из них кисточку, пробую, – виноград ничего себе, только кисловат немного. Посылаю своего казака нарвать, а сам остаюсь на дороге и дожидаясь. Авангард весь впереди, мы остались одни. Я с беспокойством посматриваю по сторонам, слышу, кто-то едет шибкой рысью. Оглядываюсь – казак. Позади его на седле кто-то сидел скорчившись, в одной рубашке, голова бритая, лицо кофейного цвета и, обхватив казака руками, жалобно стонал.

– Это кого тащишь? – спрашиваю я.

– Персиянина, ваше высокоблагородие, пленный у текинцев был. Он скованный, бежать не может; я, вон, еду мимо той сакли, а он и стонет. И проговорив это, казак галопом пускается догонять своих. Только отъехал несколько шагов, как персиянин сваливается с лошади и еще жалобнее начинает стонать. Я подъезжаю к нему и вижу, что ноги его, повыше ступней, скованы толстыми кандалами, пальца в два шириной. Кольца соединялись толстой железной неподвижной перекладиной. При таких кандалах человек мог делать только очень маленькие шаги. Кожа у персиянина на ногах была содрана, и из ран сочилась кровь. Я помог ему снова взобраться на седло, и казак поскакал дальше.

В тот же день мы приехали в аул Дурун. Подъезжая к аулу, генерал приказывает казакам и джигитам все жечь и истреблять. Не прошло пяти минут, как весь аул запылал одновременно в различных местах. Казаки, точно духи, носились по аулу, подкладывали огни, раздували, разжигали и быстро скакали дальше. То же самое произошло с полями пшеницы. Вскоре от большого селения ничего не осталось, кроме груды пепла и угольев.

Хотя в отряде и говорили, что мы едем только на рекогносцировку, и не предполагали, чтобы можно было с такими ничтожными силами двинуться к Геок-Тепе, но всякий, кто знал характер Скобелева, кто побывал с ним в сражениях, мог заранее предсказать, что он не ограничится одной мирной поездкой, и непременно пожелает столкнуться с неприятелем или, как любил выражаться Михаил Дмитриевич, «вызвать огонь». Неприятель же все отступал и отступал, покидая аулы. Мы подвигались все ближе и ближе к Геок-Тепе.

Скобелев, как и следовало ожидать, решился столкнуться с неприятелем. В это время мы находились от Вами в 110-ти верстах.

* * *

Утро 5-го июля. Погода все такая же жаркая. Солнце обливает нас палящими лучами и так сильно светит, что глазам больно. Раскаленный воздух дрожит и переливается. Мы поднимаемся на бугорок. Перед нами стелется открытая долина. Внизу, верстах в четырех, виднеется кала Ягинь-Батырь. Вокруг нее темнеют густые, тенистые сады, пересекаемые множеством глиняных стенок. Генерал останавливается, слезает с лошади и смотрит в бинокль.

Отряд тем временем подтягивается. Он, было, немного растянулся, а дальше надо идти густой колонной: неприятель близок. До Ягинь-Батырь-калы версты четыре, а там всего двенадцать верст и само Геок-Тепе, где скопилось все население оазиса, по слухам, тысяч сорок текинцев. Есть над чем Скобелеву призадуматься: двигаться ли дальше, или нет? У нас всего 3 роты пехоты да 3 сотни казаков. Правда, есть и пушки, но не надо забывать, что восемь месяцев тому назад наших три тысячи человек с двадцатью пушками пытались штурмовать Геок-Тепе, да и то их со срамом прогнали, причем наши потеряли много убитыми и ранеными. И вдруг, после такого поражения, явиться под теми же стенами, с такою горстью солдат, перед врагом уже самоуверенным и гордым победой? Не наглость ли это? Не дерзкая ли насмешка над неприятелем!

Генерал все продолжает смотреть на долину. Я тоже беру бинокль и смотрю. За Ягинь-Батырь-калой долина постепенно возвышается и образует продолговатый гребень. Так вот за этим-то гребнем, в одном месте, на горизонте, едва-едва очерчивается вершина темного кургана. Кургана этот находится в самой крепости Геок-Тепе или, как ее текинцы называют, Денгиль-Тепе.

Неприятеля пока не видно. Кругом все тихо и мертво. Офицеры столпились позади генерала и тихонько разговаривают, а один из них, поручик Кауфман, достал откуда-то желтое противное насекомое, наподобие огромного муравья, насадил на палочку и несет показывать генералу. Что генерал ответил Кауфману, я не слышал, так как не тем был занят; знаю только, что это за насекомое: это фаланга, я их много видал в Яглы-Олуме. Укушение ее иногда бывает смертельно, а в большинстве случаев заканчивается тем, что укушенное место сильно опухает и болит месяца два.

Через час мы трогаемся дальше. Тут, помню, случилось следующее. Как только мы двинулись с холма и уже порядочно отошли, смотрим, наш военный топограф Сафонов, оставшись на холмике, продолжал снимать на план местность; позади стоял казак и держал в поводу лошадь. Генерал, увидев это, очень рассердился и кричит: «Что за беспорядок, пошлите ему сказать, что здесь не Россия, здесь шагу нельзя отставать от отряда!»

Подъезжаем к Ягинь-Батырь-кале. Она оказывается пустая. Отряд занимает ее и располагается в садах.

Я поскорей отдаю свою лошадь казаку, снимаю с себя все, что было лишнего, ружье, черкеску, шашку, беру бинокль и бегом направляюсь к передней глиняной стенке, взбираюсь на нее и с жадностью смотрю вперед. Отсюда, на горизонте, уже гораздо отчетливее виднеется серая вершина кургана. Долина вся покрыта редким, выгоревшим от солнца, буроватым саксаулом. Вправо, верстах в двух, тянутся все те же горы Капет-Даг; влево – все те же бесконечные, рыжеватые пески.

В это время, вблизи меня, образуется порядочная толпа офицеров, солдат и казаков. Все они подошли к стенке, чтобы посмотреть, не видно ли текинцев.

– Воо-о-он текинцы! – восклицаю я, продолжая глядеть в бинокль. – Вон еще, еще, ой-ой, сколько их оттуда выползает.

– А левее-то, майор, видите, сколько их показывается за той калой, – говорит мне басистым голосом красивый, молодцеватый капитан Полковников, с большими усами, в белом кителе, с шашкой через плечо. Он взобрался рядом со мной на стенку и тоже смотрит в бинокль.

Из-за гребня холма, точно муравьи, начинают появляться текинцы, все конные. Они длинными, темными вереницами спускаются немного в нашу сторону, останавливаются верстах в пяти, слезают с лошадей и собираются в кучи, рассуждать, вероятно, о нашей смелости. Вот двое, похрабрее, подбираются к нам очень близко и останавливаются. Я впиваюсь в них глазами. Тот, что поближе, сидит на превосходной буланой лошади. Черная борода его вокруг смуглого лица ярко оттеняется высокой мохнатой белой папахой; халат светло-коричневый, через плечо шашка, за спиной ружье с рогатками. Он внимательным, гордым взглядом осматривает лагерь. Но вот из передовой цепи кто-то выстрелил в них. Оба текинца, точно ужаленные, бросаются в стороны, затем останавливаются, еще раз пристально смотрят на лагерь и широким, растяжным галопом направляются к своим, размахивая локтями, как крыльями, точь-в-точь как наши мужики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.